

Левецкая Т. В.

(Московский государственный университет, Россия; levitskaia.t@gmail.com)

ЗАБЫТАЯ ВОЙНА: ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. А. ЛУХМАНОВОЙ О МАНЬЧЖУРИИ

Аннотация: Надежда Александровна Лухманова (1841–1907) — прозаик, драматург, публицист, лектор. На сегодняшний день ее имя практически забыто, но на рубеже XIX–XX вв. она была известна во всей России: ее художественные и драматические произведения были широко востребованы, она выступала с лекциями в столице и за ее пределами, работала журналистом в ведущих петербургских газетах. В возрасте 62 лет она приняла участие в Русско-японской войне в качестве сестры милосердия и военного корреспондента («Петербургская газета», «Южный край»). Во время своего пребывания на войне и позже в Японии Лухманова писала не только путевые заметки и статьи для газет, но также короткие пьесы, рассказы, основанные на реальных событиях («Шаман», «Черная полоса», «Елка во дворце Чизакуин», «Литунь-чи»), стилизации под китайские и японские сказки («Единственный понятный женщине язык», «Душа человека», «Тайфун», «Золотая лисичка»). Темы, к которым обращалась писательница, разнообразны: место и роль женщины на войне, организация госпиталей, неоправданные жертвы войны и проблема морального выбора, а также этнографические зарисовки, посвященные нравам и быту Маньчжурии и Японии. И если ее ранние записи напоминают этнографические зарисовки, исполненные настороженности по отношению к местному населению и непонимания китайских нравов, то позднее, в сказках и дневниковых зарисовках, все отчетливее проступает чувство вины перед китайским народом за происходящую на их земле кровавую бойню. Работы писательницы оказались незаслуженно забытыми более чем на сто лет и только начинают свое возвращение в литературную память.

Ключевые слова: Н. А. Лухманова, Маньчжурия, публицистика, Русско-японская война, Япония.

Levitskaia Tatiana

(Moscow State University, Russia; levitskaia.t@gmail.com)

THE FORGOTTEN WAR: WORKS BY N. A. LUKHMANOVA ABOUT MANCHURIA

Abstract: Nadezhda Likhmanova (1841–1907) was a novelist, playwright, publicist, lecturer. Today her name is almost forgotten, but at the turn of the 19th–20th centuries she was well-known throughout Russia: her artistic and dramatic works were widely in demand, she gave lectures in the capital and abroad, worked as a journalist in the leading St. Petersburg newspapers. At the age of 62, she took part in the Russian-Japanese war as a nurse of the Red Cross and war correspondent (*Peterburgskaia gazeta, Yuzhny Krai*). During her stay in the war and later in Japan, Likhmanova wrote not only travel notes and articles for newspapers, but also short plays, stories based on real events (*Shaman, Black stripe, Tree in the Palace of Chizakuin, Li-Tun-Chi*), stylization of Chinese and Japanese fairy tales (*The Only Language Clear for a Woman, Human Soul, Typhoon, Golden Fox*). The writer raised a variety of topics: the place and role of women in the war, the organization of hospitals, unjustified victims of war and the problem of moral choice, as well as ethnographic sketches devoted to the traditions and mode of life of Manchuria and Japan. And if its early records resemble ethnographic sketches, filled with wariness

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

towards the local population and a lack of understanding of Chinese customs, then later, in fairy tales and diary sketches, the sense of guilt before the Chinese people for the bloody slaughter taking place on their land becomes more clearly apparent. The works of the writer were undeservedly forgotten for more than a hundred years and are just beginning their return to literary memory.

Keywords: N. Likhmanova, Japan, journalism, Manchuria, Russo-Japanese war.

На рубеже XIX–XX вв. женщина в журналистике уже не вызывала удивления: дамам было дозволено рассуждать о «женском вопросе», писать на бытовые темы и освещать культурные рубрики. Надежде Александровне Лухмановой (1841–1907) удалось затронуть сферу, не свойственную женскому перу: в 1904 г. она отправилась на русско-японскую войну в качестве военного корреспондента. Лухманова была личностью яркой и неординарной, она пришла в литературу в зрелом возрасте и довольно быстро добилась успеха: за пару лет безымянная переводчица превратилась в одну из ведущих общественных деятельниц своего времени. Литературное имя ей подарили повесть «Двадцать лет назад. Воспоминания из институтской жизни» (1893) и серия очерков о Сибири «В глухих местах» (1895). Лухманова работала в различных жанрах: сочиняла романы, рассказы, пьесы, но ее настоящей страстью стала публицистика. Она написала несчетное количество статей для различных изданий («Петербургская газета», «Санкт-Петербургские ведомости», «Южный край» и др.), выпустила настольную книгу для женщин «Спутник женщины» (1898) и сборники размышлений на злободневные темы («Черты общественной жизни», 1898; «Вопросы и запросы жизни», 1904), издавала журнал «Возрождение» (1899–1900 гг.), выступала с публичными лекциями. Столь активную деятельность нещадно критиковали: громкий «общественный голос» Лухмановой раздражал. Ее упрекали в попытках проявить себя в чуждых женской природе профессиях, а работы называли неумелыми «дамскими поделками», но писательница не сдавалась и бесстрашно отвечала обидчикам в нескончаемых полемиках. Участие в Русско-японской войне (1904–1905 гг.) в очередной раз продемонстрировало, что задвинуть Лухманову в «женский угол» было не так-то просто.

С самого начала писательница предсказывала, что «маленькая победоносная война» на деле обернется большой русской трагедией. Предвкушение скорого триумфа и восторженные воззвания в печати Лухманова считала более чем необоснованными. Она напоминала читателям, что война — это страшное кровопролитное действо: «Мне всегда казалось, что радость шумлива, демонстративна и скоропроходяща, а горе молчаливо, глубоко и оставляет неизгладимые следы. Война, даже сама победоносная, есть величайшее горе, а когда эта война ведется где-то там, далеко, с чуждым по расе и вере народом — она становится еще таинственнее, еще страшней» [1, с. 2]. Для того чтобы дать будущим солдатам хотя бы минимальное представление о противнике, Лухманова выступала с лекцией «Японцы и их страна», в которой обращала внимание на особенности характе-

ра и психологию японцев, рассказывала об их укладе жизни и верованиях. Целью лекции было не только просвещение, но и снятие напряжения, искоренение страха перед неизвестным. Когда писательница выступала в товариществе российско-американской резиновой мануфактуры (с демонстрацией на экране около «50 световых картин» [2, л. 25]), то задумчивая тишина в аудитории сменялась громовым хохотом. Зрителям особенно понравилась сценка о редакции японской газеты: их рассмешила неумная фантазия журналистов, успевших еще до начала военных действий довести японскую армию до Петербурга. Несмотря на отрицательное отношение к войне, Лухманова осознавала ее неизбежность, пыталась укрепить боевой дух будущих бойцов, воспитать в них критическое отношение к информации и убедить их не поддаваться панике от противоречивых слухов. Она вовсе не ставила перед собой задачу изобразить противника беспомощным и неумелым, как во многих публикациях того периода. Наоборот, она утверждала, что соперник силен, и особенно тем, что абсолютно чужд и непонятен простому русскому солдату, который будет вынужден столкнуться с ним лицом к лицу. Писательница отмечала, что ни оружие, ни стратегия не спасут армию, не понимающую, с кем и за что она сражается.

Оказавшись на театре военных действий, Лухманова с сожалением отметила упаднические настроения среди солдат: «принцип “чем хуже, тем лучше”» [3, л. 44] тенью следовал за каждым маневром. При характеристике врага, наоборот, она отмечала нацеленность на победу и патриотизм. Любовь к родине писательница назвала истинной религией японцев: даже в переписке с семьей общее дело стояло выше личных интересов. Родные писали солдату: «Простившись с тобой, мы остаемся совершенно спокойными. Мы знаем, ты не посрамишь своего рода и каждую минуту будешь готов отдать жизнь за родину» [Там же]. Лухманова отмечала уважительное отношение к врагу со стороны русских солдат: «Насчет японцев — ни один солдат не смеется над ними. Все признают их врагами, достойными по храбрости, мужеству и даже по великодушию» [4, с. 2]. Она приводила свидетельства бойцов, утверждавших, что японцы не добивали раненых («Он раненого не добивает, хоть ты ползи перед ним — не тронет» [Там же]), а иногда даже помогали: одному из солдат, получившему увечье, японцы указали дорогу в лагерь. Однако русские чувствовали некоторое превосходство над противником — причинами подобного отношения были внешний облик и вероисповедание: враг был физически мал и не христианин. Солдаты верили в то, что «в маленьком японце и маленькая душа» [Там же] (так же говорили и о китайцах). Похожее отношение зафиксировал в своих воспоминаниях и военный врач В. П. Кравков: по его наблюдениям, русские бойцы называли японцев так же, как крестьяне величали мелкую нечисть — черта, домового, лешего — «коротко и таинственно “ён”» [5, с. 245]. Это же отражено и в рассказе Лухмановой «Черная полоса» [6, л. 63–64]: умиравший в военном госпитале солдат мучился угрызениями совести за совершенное преступление, но при этом убеждал себя, что у убитого им китайца не могло быть души, а значит, не было и греха.

В одной из статей писательница образно назвала войну столкновением «медведя с осаами» [7, с. 2]: русский боец со своей единственной тактикой «идти напролом» путался в бесконечных японских «головоломках». Отношение Лухмановой к противнику было двойственным: с одной стороны, неприятие, страх, осуждение холодности и жестокости, иногда даже брезгливость, а с другой — уважение к японцам за соблюдение традиций, любовь к родине, жажду знаний и неутомимую деятельность. Так, в сказке «Золотая лисичка» Лухмановой удалось предугадать вектор послевоенного развития страны: увеличение внутреннего капитала, вклад в развитие образования и небывалый научно-технический прорыв. На фоне японского менталитета писательница размышляла о достоинствах и недостатках русского национального характера. Подобное сопоставление проиллюстрировано в рассказе «Елка во дворце Чизакуин», повествующем о встрече пленными русскими солдатами Рождества. Лухманова не могла скрыть своей неприязни к стране-победительнице и в самом начале рассказа дала нелестную характеристику японцам, которым, как всякому «молодому народу», свойственно «безумное опьянение всяким успехом» [6, л. 15]. Главными чертами нации она назвала честолюбие, презрение к смерти, хитрость, упрямство и благоговейный страх перед начальством. Эпизод встречи Рождества в плену вскрыл страшную фарсовую изнанку войны — горький праздник напомнил писательнице безумный маскарад: «Елка, наша Рождественская елка в такой обстановке! Матросы “нарядились”» [6, л. 18]. Сквозь исступленное веселье отчетливо проступали горечь и растерянность пленных, непонимание, почему им пришлось участвовать в кровавой бойне. Особенно усердно отплясывал вокруг елки сильно выпивший «молодец ярославец». Поначалу в пьяном угаре он задирает ряженых и храбрился, без устали повторяя: «Ноне у японца пляшем, а завтра на родину пойдем!» [Там же], но под вечер катался по полу в беспамятстве. Писательница сравнила душастых русского богатыря «злых духов пьянства» со «свирепыми японскими богами» [Там же]. Водка — зло незаметное, повседневное, «одомашненное» — выявляет трагизм момента нелепо и уродливо. Смерть матроса во время праздника становится горькой насмешкой судьбы: солдат уцелел во время войны, но привез с собой погибель в виде пагубной привычки.

Записи Лухмановой можно отнести к жанру травелога: писательница фиксировала взаимодействие с иной культурой, делая акцент на собственных чувствах и мыслях. Она описывала нравы и обычаи, обращала внимание на облик городов, пищу, внешний вид и поведение местных жителей. Поначалу ей не удавалось примириться с экзотичностью Маньчжурии — и уклад жизни, и обитатели показались ей полудикими: «И все кругом: и жилища, и лавки, и самый народ так примитивно просто, грубо и грязно. Так цинично откровенно во всех житейских проявлениях, что опять-таки теряется всякое сознание, что около вас люди, страдающие и наслаждающиеся, может быть, опасные, а может быть, просто жалкие. Вы так же равнодушно и индифферентно ходите среди них, как если бы вы гуляли по любой этнографической выставке» [6, л. 60]. В заметках ощущается не только непонимание особенностей иной культуры, но и непреходя-

щее чувство опасности от пребывания в Маньчжурии. Особое место в записях Лухмановой занял эпизод казни хунхузлов, к которому она возвращалась неоднократно: упоминание о казни есть в дневниковых записях и в статьях, опубликованных в «Южном крае» и «Петербургской газете». Писательницу ужаснула обыденность «публичного убийства»: ее напугало место казни — поле у дороги, по которой лениво тянулись арбы и продвигалась медленная вереница рабочих; смутила деловитость палача, приехавшего на страшную работу на извозчике; поразила угодливость осужденных, выпрыгивавших из телеги и с готовностью падавших на колени в определенном порядке. А увидев детей, с любопытством рассматривающих отрубленные головы, Лухманова впала в оцепенение. Эта картина натолкнула ее на невеселые думы: «...отлично понимаешь, что если бы в такой стране, среди этого, так добродушно, так вечно смеющегося народа, произошло восстание, то и мы все легли бы не героями <...> а были бы позорно, хладнокровно измучены, полужарезаны и выброшены околевать» [8, с. 2]. Тревожные ноты прозвучали и в эпизоде, описывающем разрушение городской стены русскими солдатами. Для того чтобы «обрусить» город Ляоян, в стенах были сделаны проломы, а улицы были переименованы на русский лад (о переименовании упоминает и Кравков: самая бойкая улица Ляояна получила название Николаевская, были еще Субботическая, Саперная, Воронежская и др.). Однако победоносное разрушение вселило в душу писательницы лишь смятение и беспокойство: «Весело смеясь, перекидываясь шутками, разрушали солдатики священную стену, китайцы стояли вокруг молчаливой толпой, некоторые тоже улыбались, и объяснить, что думала и чувствовала эта толпа, что значили эти улыбки, — очень трудно. Только одно верно — не индифферентность и не доброта скрываются за этими вечными оскалами губ» [6, л. 92]. Враждебность и затаенную злобу со стороны местного населения писательница ощущала постоянно, что привело ее к тревожному выводу: искренние отношения и взаимопонимание между завоевателем и завоеванным народом невозможны.

Но постепенно отношение Лухмановой к происходящему менялось. Чувство вины перед китайским народом за происходящую на их земле бойню все явственнее проступало в работах писательницы. Примером тому служит рассказ «Ли-тунь-чи» [9, с. 2.], повествующий о восьмилетнем мальчике, в одиночку охранявшем свой дом от разграбления русскими солдатами. Ребенок отказывался принимать пищу из рук захватчиков, ел из одной миски со своей собакой, а потом убил и засушил девять новорожденных щенков для того, чтобы отнести их в горы своей голодающей семье. Мальчик и собака изображены невинными жертвами войны. Лухманова не смогла найти оправдания жестокости ребенка по отношению к животному, но самоотверженность и стойкость маленького защитника поразили ее.

С нескрываемым стыдом писательница отмечала пренебрежительное отношение русских солдат к китайским верованиям. Например, во время пребывания в Сяунгунь в январе 1905 г. Лухманова написала следующие строки: «Разграбленная кумирня... Разбитые боги... Среди наших солдат ходит упорно легенда,

что китайцы вкладывают в алебастровую или деревянную грудь своих богов большое золотое сердце — погоней за этим куском золота объясняется поголовное избиение богов. Напрасно мы стараемся объяснить им, что у китайцев во всем главную роль играет символизм <...> Так и сердце в идолах сделано из золотой бумаги или гипса, окрашенного под золото. Солдаты не верят и продолжают напрасно разбивать грудь богов и богинь» [10, с. 2]. В записях В. П. Кравкова осквернение святынь изображено еще нагляднее — солдаты превратили храм в общественный туалет: «Прошелся к знаменитой башне “Байтасы”; в нижнем этаже ее помещаются три огромных бронзовых бога; близко к ним подойти было невозможно из-за колоссальных куч экскрементов, распространявших вокруг нестерпимую вонь. При виде такого вопиющего кощунства внутреннее чувство мое шокировалось окончательно! Мне так было стыдно за моих соотечественников, так грубо, глупо, безнравственно и неполитично наглумившихся над чувствилищами китайской народной души» [5, с. 51].

Несмотря на отрицательное отношение к войне в целом, Лухманова резко реагировала на статьи, критикующие тактику ведения боя или снабжение русской армии. Особо гневный отзыв писательницы получил фельетон М. О. Меньшикова «Босые ноги», опубликованный в газете «Новое время». Лухманова обвинила автора в «фальшивой жалости» [11, с. 2] и желании дискредитировать русскую армию. Она начала статью с вопроса: «Чем и когда кончится война?» [Там же] И тут же ответила — победой, которая возможна лишь при условии, что «оставшиеся на родине» [Там же] не будут мешать выиграть кампанию своими домыслами и необоснованной критикой. В статье, опубликованной в «Южном крае», она прямо ответила Меньшикову: «Босых ног в армии нет!» [12, с. 2] — а потом изобразила и вовсе идиллическую картинку армейского уюта: «Землянку “сестры Надежды” (как меня прозвали солдаты) знают хорошо, в день пребывает иногда больше 20 человек. Из окопов, даже ночью, охотники забегают в шатер, когда я дежурная, и никогда, ни один не ушел, не получив просимое. Сейчас у меня еще 36 пар валенок и др. теплых вещей, табак, мыло, сахар, чай, мешочки» [Там же]. Хотя в своих работах Лухманова писала о патриотизме и превосходном снабжении японской армии, отмечала недочеты организации госпиталей и отсутствие боевого настроения в рядах русских войск, однако откровенную критику со страниц популярного издания она приняла в штыки. Причинами подобной реакции послужили не только близкие отношения с главнокомандующими армии, но и личная убежденность писательницы в том, что при отсутствии подлинного патриотического подъема необходимо соблюсти хотя бы внешнее спокойствие. Источник проблемы Лухманова усматривала в неправильной оценке самого феномена войны: война вовсе не «триумфальное шествие», как ее изображали изначально, а серьезное испытание «всего духовного строя страны» [12, с. 2]. Однако после разгрома русского флота в Цусимском проливе в мае 1905 г. писательница уже не скрывала досады и разочарования: «Но какая это была война? Разве это война, тот кошмар, который мы пережили? Бой — ужасный, тысячи раненых, искалеченных, убитых, весь ужас отступления — поспешного, как бегство, —

и потом три, четыре, пять месяцев убийственной стоянки в сырых болотистых местах!» [13, с. 2] Одной из завершающих статей периода русско-японской войны Лухманова дала заглавие «Доживание на передовых позициях». Тягостные месяцы вынужденного пребывания в Маньчжурии она назвала «временем ненужности» [14, с. 3], когда среди солдат воцарились пьянство, «хаос и сумбур» [Там же], а офицерские чины хлопотливо закружились в «лихорадке последних наград»: «Какая масса оказывается героев! Какое количество совершено геройских подвигов... всеми! Как только при этих условиях могла быть проиграна кампания — непостижимо!» [Там же] Лухманова с горечью отметила, что после поражения война была словно вычеркнута из истории, а вместе с ней канули в Лету тысячи погибших, искалеченных и просто забытых на чужбине людей. В статье «Слова и дело» [15, с. 2] писательница сравнила пустые обещания правительства помогать солдатам после окончания военных действий с клятвами о последующих встречах и «вечной дружбе» барышень-институток. А увидев на Невском проспекте объявление о выставке японских кустарных изделий, Лухманова не удержалась от горького саркастического замечания: «Вот это по-Христиански! Страшно трогательно! Не успели еще зажить раны физические и нравственные, нанесенные нам этой войной, как мы уже принялись помогать нашему врагу, пропагандировать их кустарную промышленность и даже устраивать для этого выставки. Надо бы обязательно написать в Японию, пусть порадуются, и припилят благодарственную телеграмму (с уплатой за нее затем на месте) устроителям данного базара» [3, л. 62]. И впоследствии в своих работах, посвященных внутренней политике страны, она называла постыдное поражение и мгновенное забвение войны предвестниками гибели «ответшалога режима» [16, с. 2].

Литература

1. Лухманова Н. А. Несколько слов грубой правды // Петербургская газета. 1904. № 36. С. 2.
2. Рукописный отдел Института русской литературы. Д. 571. Оп. 1. Ф. 39.
3. Рукописный отдел Института русской литературы. Д. 571. Оп. 1. Ф. 7.
4. Лухманова Н. А. На поле военных действий // Петербургская газета. 1904. № 158. С. 2.
5. Кравков В. П. Война в Маньчжурии. Записки дивизионного врача. М.: Вече, 2016.
6. РО ИРЛИ. Д. 571. Оп. 1. Ф. 32.
7. Лухманова Н. А. На театре войны // Петербургская газета. 1905. № 92. С. 2.
8. Лухманова Н. А. На поле военных действий. Кантами. Казнь хунхузов // Петербургская газета. 1904. № 170. С. 2.
9. Лухманова Н. А. Ли-тунь-чи // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 174. С. 2.
10. Лухманова Н. А. На театре войны // Петербургская газета. 1905. № 50. С. 2.
11. Лухманова Н. А. С театра войны // Петербургская газета. 1905. № 25. С. 2.
12. Лухманова Н. А. Война. Впечатления и наблюдения // Южный край. 1905. № 8370. С. 2.
13. Лухманова Н. А. С театра войны. Петербургские шпионы // Петербургская газета. 1905. № 232. С. 2.
14. Лухманова Н. А. Доживание на передовых позициях // Южный край. 1905. № 8642. С. 3.
15. Лухманова Н. А. Слова и дело // Петербургская газета. 1906. № 302. С. 2.
16. Лухманова Н. А. Борьба // Санкт-Петербургские ведомости. 1906. № 150. С. 2.

References

1. Lukhmanova N. A. A few words of the harsh truth. *Peterburgskaia gazeta*. 1904. No. 36. P.2. (In Russian)
2. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. C. 571. In. 1. F.39. (In Russian)
3. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. C. 571. In. 1. F.7. (In Russian)
4. Lukhmanova N. A. On the battlefield. *Peterburgskaia gazeta*. 1904. No. 158. P.2. (In Russian)
5. Kravkov V. *The war in Manchuria. Notes of the military doctor*. M.: Veche, 2016. (In Russian)
6. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature. C. 571. In. 1. F. 32. (In Russian)
7. Lukhmanova N. A. In the theatre of war. *Peterburgskaia gazeta*. 1905. No. 92. P.2. (In Russian)
8. Lukhmanova N. A. On the battlefield. Kantami. The penalty of honghuzi. *Peterburgskaia gazeta*. 1904. No. 170. P.2. (In Russian)
9. Lukhmanova N. A. Li-tun-chi. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1906. No. 174. P.2. (In Russian)
10. Lukhmanova N. A. On the battlefield. *Peterburgskaia gazeta*. 1905. No. 50. P.2. (In Russian)
11. Lukhmanova N. A. In the theatre of war. *Peterburgskaia gazeta*. 1905. No. 25. P.2. (In Russian)
12. Lukhmanova N. A. The war. Impressions and observations. *Yuzhniy krai*. 1905. No. 8370. P.2. (In Russian)
13. Lukhmanova N. A. In the theatre of war. The St. Peterburg spies. *Peterburgskaia gazeta*. 1905. No. 232. P.2. (In Russian)
14. Lukhmanova N. A. Survival at the forefront. *Yuzhniy krai*. 1905. No. 8642. P.3. (In Russian)
15. Lukhmanova N. A. Words and deeds. *Peterburgskaia gazeta*. 1906. No. 302. P.2. (In Russian)
16. Lukhmanova N. A. Struggle. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*. 1906. No. 150. P.2. (In Russian)